

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ В ПОИСКАХ СИМВОЛИЧЕСКОГО СТАТУСА

Кузнецова Наталия Ивановна – доктор философских наук, профессор. Российский государственный гуманитарный университет. Российская Федерация, 125993, г. Москва, Миусская площадь, д. 6; Главный научный сотрудник. Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Российская Федерация, 117861, г. Москва, ул. Обручева, 30а; e-mail: cap-cap@inbox.ru

Утверждается, что анализ предмета и проблем исторической эпистемологии неэффективно начинать с упорядочивания практики употребления основных ее терминов. Важно показать, что историко-научные исследования приводят к необходимости принять дескриптивную познавательную установку. Описывая достижения прошлых эпох, надо оказаться от оценки их с позиций современной науки, чем грешит сложившаяся практика историографии науки и эпистемологии.

Ключевые слова: историческая эпистемология, историография науки, релятивизм, нормативная установка, дескриптивная установка

HISTORICAL EPISTEMOLOGY IN SEARCH OF SYMBOLICAL STATUS

Natalia Kuznetsova – DSc in philosophy, professor. Russian State University for Humanities. 6 Miuskaya sq., Moscow, 125993, Russian Federation. Head research fellow. S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of Russian Academy of Sciences. 30a Obrucheva Str., Moscow, 117861, Russian Federation; e-mail: cap-cap@inbox.ru

The author argues that the analysis of the matter and problems of historical epistemology is ineffective when it begins with the ordering of the key notions. N.I. Kuznetsova claims that it's important to show the necessity of the descriptive point of view in considering the historico-scientific problems. Description of the previous epochs requires the researcher's refusal to assess them from the modern prospects. The author considers the absence of this refusal as one of the biggest failures of the contemporary historiography of science and epistemology.

Keywords: historical epistemology, relativism, normativity, descriptive method

Несомненное стилистическое достоинство представленного для дискуссии текста Л.В. Шиповаловой – попытка сохранить *проблематичность при обсуждении самой проблемы*. Стоит ли мыслить науку исторически? – спрашивает автор, а не утверждает, что это делать необходимо. Основной тезис статьи, тем не менее, состоит в том, что историчность науки буквально вторгается в наши привычные представления, однако это грозит релятивизмом и антиреализмом. Необходимо искать и искать новых представлений при важнейшем требовании – сохранить научный реализм и веру в истинность научного знания (иначе говоря, сохранить так называемую *стандартную концепцию* науки). В противном случае просто собьем с толку честного ученого, от работы которого зависит столь многое в современной цивилизации. Как же быть?.. Необходимо, утверждает автор, постоян-

но возобновлять работу по поискам диалога между представителями крайних философских позиций перед лицом несомненного факта – историчности самой науки. Эпистемология должна стать площадкой для выслушивания «голосов несогласных», «зоной обмена» различных концептов. Каковы же, спрашивается, собственные задачи исторической эпистемологии, которые она призвана решать? Ответа на данный вопрос у автора (по крайней мере, в данной работе) просто нет. Зато Лада Владимировна очень четко указывает на два различных словоупотребления: «историческая эпистемология» может пониматься как проникновение историчности в саму эпистемологию, с одной стороны, и как изучение исторической методологии в рамках эпистемологии, с другой. «Осуществляется ли историзация эпистемологии, т. е. возникает необходимость исследования категорий познания в историческом контексте, или историческое знание разворачивается к исследованию концептов, определяющих научную деятельность? Иначе говоря, является ли историческая эпистемология видом истории или видом эпистемологии?» Термин, как говорится, амбивалентен. И это просто фиксация, хотя и в виде вопроса.

Отсюда и стилистика дальнейшего текста, его основных тезисов. Автор в своих выводах не настаивает на своем, а, скорее, пытается убедить: надо признать историчность знания и науки, однако уйти от релятивизма в понимании истины. Каким же образом? Автор утверждает: «Принятие релятивизма как всегда существующей возможности в любом модусе исторического мышления науки необходимо, поскольку он является важным условием и контекстом научной и эпистемологической работы». Или более кратко: «Релятивизм при этом должен быть понят как необходимый мотив исследований эпистемолога».

Допустим, что так. Однако что же мы получаем в результате таких наставлений? Мне кажется, автор пытается навести порядок в несколько, действительно, сбивчивом словоупотреблении, которое сложилось у эпистемологов, относительно «имен» их позиций, предметов изучения и соответствующих проблем. Но употребление имен – это самая-самая верхушка айсберга, суть дела лежит в «подводной» части. Какие, собственно, исследовательские практики заставляют историзировать понятие науки (и знания!), какие неотложные вопросы довели эпистемологию к необходимости признавать как «туземные» знания, наряду с «европейскими», так и «ложные» концепции, наряду с теми, которые современная наука признает «истинными»?

Релятивизма здесь, конечно, можно избежать, если принять положение, согласно которому «ошибка» – явление историческое, проходящее, а не явление «третьего мира», где остаются только «вечные истины», неподвластные времени. И все же узнать про то, как «неправильно» видит мир туземец – это так интересно! Читать про географические «ошибки» Колумба, про алхимические опыты Ньютона и «неверные» допущения Дарвина – это так увлекательно!.. Как изобра-

жение пороков в основном привлекательнее проповеди добродетелей, так и демонстрация «истинных путей» научного познания (*история пишется победителями*, называет это Лада Владимировна), кажется, просто надоело читателю. Вот так, собственно, «земным путем» и можно зафиксировать трудности в развитии историографии науки. В принципе Мишель Фуко очень метко обозначил основную методологическую проблему историко-научных исследований следующим образом: до тех пор, пока историки науки будут в своих трудах демонстрировать «Эпифанию Истины», никакого релятивизма не будет! Но их добросовестность заставляет сомневаться в том, что сложившаяся практика историографии науки – действительное изображение исторического пути научного познания¹.

С чего же начинать при разборе собственных проблем «исторической эпистемологии»? Мне кажется, с анализа той необходимости, которая заставляет «добросовестных исследователей» как в сфере историко-научных, так и в эпистемологии, говорить об историзации основных представлений о путях научного поиска, о том эмпирическом базисе эпистемологии и философии науки, который заставил отказаться от чисто нормативных представлений и перейти к дескриптивным установкам. Иными словами, сменить модусы исследовательской практики: перейти *от категорий должностования – к категориям существования*. Это произошло не вчера. Об «антиисторических стереотипах» историко-научных исследований очень ярко и выразительно писал еще Томас Кун. Надо менять нормативы историографии науки, искать новую оптику, иную рецепцию прошлого. О «*дескриптивной установке*» после Куна писал Бруно Латур (а также его сторонники как Парижской, так и Ланкастерской школы), Майкл Малкей, да и другие видные эпистемологи и философы науки конца XX и начала XXI вв. Неоднократно об этом писал М.А. Розов, обосновывая необходимость так называемой «надрефлексивной позиции» при исследовании познания [Розов, 2008, с. 146–148]. Сошлюсь хотя бы на такого авторитетного автора, как Эдвардо Агацци: «Переходя теперь к эпистемологии (понимаемой как общая теория познания), надо отметить, что она всегда включала два аспекта, которые можно назвать дескриптивным и нормативным. Нормативный аспект является предварительным, поскольку он состоит, во-первых, в каком-либо определении понятия знания, т. е. достаточным уточнении того, *что такое знание*, а это, во-вторых, определяет также, каким требованиям *должно* удовлетворять то, что мы хотели бы квалифицировать как знание.

Дескриптивный аспект состоит в выяснении того, *как* добывается знание, какими шагами, при каких условиях и согласно каким критериям можно убедиться в его получении, и это применительно к различным предметам, которые мы хотели бы знать» [Агацци, 2010, с. 64].

¹ См. интереснейшие наблюдения по этой теме в работе: [Вжосек, 2012, с. 254–255].

Короче, почему бы не начать с конца – с пристального изучения самосознания (рефлексии) историков науки и эпистемологов, которые более не удовлетворяются прежними нормативами своей работы? И дело, конечно, не в том, чтобы прояснить сложившееся в эпистемологии употребление терминов, а в том, чтобы показать, какие неотложные проблемы за этими словами стоят. Только тогда эти термины будут фиксировать то, *что есть*, а не то, чего хотелось бы *избежать* (антиреализма, например) или *использовать* в качестве мотива (релятивизм). Начнем, как простые труженики – отвечая на скромный вопрос, «*что происходит?*», не пытаясь пока энергично провозгласить «*что делать?*». (Удачное различие этих двух совершенно разных вопросов, напомним, принадлежит П. Фейерабенду.) Мне представляется, что Лада Владимировна стилистически пытается говорить о первом вопросе, но, по сути, все-таки отвечает на второй.

Можно назвать обсуждаемый ныне, содержательно очень насыщенный текст Л.В. Шиповаловой попыткой конструирования символического статуса «исторической эпистемологии». Однако – своевременно ли? Плодотворно ли? Вспоминается в этом контексте как-то брошенная в полемике реплика Дмитрия Быкова. Обсуждая некую ситуацию в литературоведении, он выразился так: «Это всё равно, что перед наводнением мыть полы».

Список литературы

Вжосек, 2012 – *Вжосек В.* Культура и историческая истина. М.: Кругъ, 2012. 336 с.

Розов, 2008 – *Розов М.А.* Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. М.: Новый хронограф, 2008. 352 с.

Агацци, 2010 – *Агацци Э.* Эпистемология и социальное: петля обратной связи // *Вопр. философии.* 2010. № 7. С. 58–66.

References

Wrzosek W. *Kul'tura i istoricheskaya istina* [Culture and historical truth]. Moscow: Krug, 2012. 336 pp. (In Russian)

Rozov M. *Teoriya sotsial'nykh estafet i problemy epistemologii* [Social relay theories and the problems of epistemology]. Moscow: Novyi khronograf, 2008. 352 pp. (In Russian)

Agazzi E. “Epistemologiya i sotsial'noe: petlya obratnoi svyazi” [Epistemology and the social: a feedback loop], in: *Voprosy filosofii*, 2010, no. 7, pp. 58–66. (In Russian)